

2.

РАСКАЗЪ ОБЪ ОСАДѢ УКРѢПЛЕНІЯ АХТЫ.

. Постоянное, пламенное желаніе мое служить въ рядахъ Кавказскаго войска исполнилось на шестомъ году моей службы: въ 1842 году я перешелъ въ Кавказскій Саперный баталіонъ.

Служба на Кавказѣ, представляя обширное поприще къ подвигамъ, представляетъ и болѣе случаяевъ къ отличіямъ.

Съ трепетнымъ ожиданіемъ хватаясь за всякій случай, я видѣлъ однако же, что время идетъ, случаи ускользають, а мелкія, непріязненныя обстоятельства отдаляютъ отъ меня задуманную цѣль.

Но... «матушка Россія не угломъ сошлась!» — Въ 1845 году я перешелъ ближе къ военнымъ дѣйствіямъ, въ полкъ Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго, Графа Паскевича-Эриванскаго; въ 1846 году штурмовалъ уже съ своею ротою Тлейскіе завалы, раненъ въ правую ногу и произведенъ въ капитаны; въ слѣдующемъ году, въ присутствіи главнокомандующаго, получилъ тяжкую рану въ правую лопатку, и награжденъ за то орденомъ Св. Анны съ бантомъ.

Мнѣніе мое о службѣ на Кавказѣ начинало сбываться, и если посильными трудами въ экспедиціяхъ я успѣлъ уже заслужить себѣ дорогую честь исправ-

наго офицера, то теперь увидѣлъ себя на дорогѣ къ болѣе самостоятельнымъ дѣйствіямъ.

Прежде, однако же, судьбѣ угодно было жестоко испытать меня. Двѣ мучительныя операціи сдѣланы были мнѣ профессоромъ Пироговымъ безъ успѣха; пуля оставалась въ груди и, послѣ продолжительнаго леченія въ госпиталяхъ и на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ, я не только не поправилъ здоровья, но еще видимо ослабѣвалъ.

Измученный продолжительными страданіями, безъ надежды когда нибудь поправить свое здоровье, я съ отчаянною рѣшимостью бросился въ экспедицію къ стѣнамъ Гергебиля; но было поздно: Гергебиль уже не существовалъ. Къ довершенію бѣды, я заболѣлъ въ отрядѣ Кавказскою лихорадкою.

Двѣ раны, старая контузія пулею въ високъ и губительная болѣзнь общими силами готовили мнѣ могилу. Медлить было нечего: я внялъ наконецъ усерднымъ совѣтамъ врачей, и съ горестію въ сердцѣ рѣшился взять отпускъ.

Но гдѣ я менѣе всего рассчитывалъ на перемѣну обстоятельствъ, гдѣ я сознавалъ всѣ свое безсиліе противъ нихъ, тутъ-то счастливый случай явился ко мнѣ на выручку.

Съ нетерпѣніемъ ожидая отпуска, я нечаянно узналъ, что командиръ 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Бриммеръ, получивъ свѣдѣніе о вторженіи Шамилъ въ Рутульскій Магалъ Самурскаго округа, назначилъ 5-ю гренадерскую ро-

ту нашего полка, съ командиромъ роты, капитаномъ Тизенгаузенемъ, подпоручикомъ Архангельскимъ и прапорщикомъ Семеновымъ, въ числѣ двадцати двухъ унтеръ-офицеровъ и двухъ сотъ рядовыхъ, на усиленіе гарнизона въ укрѣпленіе Ахты.

Искушеніе одолѣло меня.... Заглушивъ тѣлесныя страданія, я обратился къ генералу Бриммеру съ просьбою откомандировать меня съ этою ротою.

Получивъ чрезвычайно лестную для меня рекомендацію генерала Бриммера, исполненный самыхъ пріятныхъ надеждъ, я выступилъ съ ротою, 12-го сентября 1848 года.

Въ Тифлисскомъ укрѣпленіи, ночью, отъ бѣгущихъ милиціонеровъ узнали мы, что Шамиль уже занялъ аулъ Ахты; часу во второмъ или третьемъ ночи прискакалъ нукеръ отъ начальника Самурскаго округа, полковника Рота, съ извѣщеніемъ о томъ же.

Въ ночи съ 13-го на 14-е мы пришли въ Мескенжи. Жители аула приняли насъ, повидимому, дружелюбно, и не совѣтовали итти въ Ахты, говоря: «ахъ, урусъ, зачѣмъ гайда? ружье большое іохъ, аманъ будетъ!» (къ чему итти, пушки нѣтъ, худо будетъ). Мы отвѣчали имъ такимъ же языкомъ: «Урусъ штыкъ якши, Шамиль гамусомъ пропалъ будетъ» (Русскій штыкъ хорошъ, Шамиль погибнетъ), а между тѣмъ, опасаясь измѣны, чрезъ рядоваго Андрея Тихонова, разумѣвшаго Татарскій языкъ, дали имъ понять, что сзади насъ идутъ два бата-

ліона и милиція изъ Кубы, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Гагарина.

Человѣкъ тридцать жителей вызвались намъ сопутствовать, но вмѣстѣ съ ночнымъ туманомъ покинули насъ и наши проводники, такъ что только одинъ изъ всѣхъ дошелъ съ нами до крѣпости.

Во время слѣдованія нашего изъ Мескенжи, непріятель грабилъ сосѣдніе аулы, наказывая жителей смертію при малѣйшемъ подозрѣніи въ преданности Русскимъ.

Мы были верстахъ въ двухъ отъ крѣпости, когда первые лучи солнца открыли намъ непріятеля. Завидѣвъ насъ, онъ бросился на нашъ арріергардъ; но мы поспѣшно заняли сады и, выйдя оттуда, очутились подъ защитою крѣпостныхъ выстрѣловъ. Дикіе гренадеры, подъ жаркою перестрѣлкою, съ пѣснями дошли до крѣпостныхъ воротъ. Ворота были заперты и завалены изнутри. Поспѣшно очистивъ завалы, гарнизонъ принялъ насъ въ крѣпость. Многимъ Богъ судилъ положить здѣсь свою голову....

Крѣпость наша (*), слабое зданіе въ фортификаціонномъ смыслѣ, представляла, однакожъ, достаточную оборону въ войнѣ съ горцами. Она имѣла видъ неправильнаго пятиугольника съ пятью бастион-

(*) Укрѣпленіе Ахты находится въ Самурскомъ округѣ, на правомъ берегу рѣки Самура, близъ впаденія въ нее рѣчки Ахты-Чай, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ аула.

ными фронтами. Стѣны, футовъ въ пятнадцать высоты, были окружены сухимъ рвомъ приличныхъ размѣровъ; шесть орудій мѣдныхъ, четыре чугунныя, три пороховые погреба — вотъ средства къ оборонѣ. Въ гарнизонѣ находилось болѣе пятисотъ человекъ при восемнадцати офицерахъ.

Крѣпость состояла въ распоряженіи начальника Самурскаго округа, полковника Фёдора Фёдоровича Рота.

Полковникъ Ротъ тотчасъ сдѣлалъ распредѣленіе офицеровъ. Оборона фасовъ поручена была мнѣ и капитану Тизенгаузену. Батареями командовали: 1-ю — помощникъ начальника Самурскаго округа, капитанъ Жоржъ, съ штабсъ-капитаномъ Бучкиевымъ и гарнизонной артиллеріи поручикомъ Чуприковымъ; 2-ю — Князя Варшавскаго полка прапорщикъ Бенетъ и гарнизонной артиллеріи прапорщикъ Шмиттеръ; 3-ю — Князя Варшавскаго полка подпоручикъ Архангельскій съ прапорщикомъ Семеновымъ; 4-ю — Грузинскаго № 6-го баталіона поручикъ Щекинъ съ подпоручикомъ Каржовымъ и гарнизонной артиллеріи подпоручикомъ Тимоѣевымъ; 5-ю — того же баталіона штабсъ-капитанъ Байдаковъ съ подпоручикомъ Богуславскимъ. Люнетъ порученъ былъ Мингрельскаго егерскаго полка подпоручику Ищенко, который прибылъ въ укрѣпленіе 12-го сентября, съ сорока осемью человекъ команды, слѣдовавшей на Военно-Ахтинскую дорогу. Въ резервъ находились: воинскій начальникъ маіоръ Старосило и прапор-

щикъ Грузинскаго № 10-го линейнаго баталіона Товбичъ.

На разсвѣтъ, 15-го сентября, комендантъ нашъ, обходя крѣпость, въ краткомъ воззваніи напомнилъ гарнизону о долгѣ службы Царю и Отечеству, о важности точнаго исполненія приказаній и необходимой увѣренности въ собственныхъ силахъ. Остѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мы смѣло предстали на доблестное дѣло.

Вскорѣ замѣтили мы сильное движеніе въ аулъ и услышали стрѣльбу. Мюриды большими массами переходили чрезъ мостъ въ аулъ, и мы ясно различили въ подзорную трубу Шамиля, сидѣвшаго на покатѣ горы. Онъ окруженъ былъ почтительною толпою наибова, и двое нукеровъ держали надъ нимъ большой зонтикъ. Шамиль указывалъ на крѣпость и, конечно, самонадѣянно рѣшилъ уже участь гарнизона.... Поручикъ Чуприковъ навелъ единорогъ, и пустилъ въ эту кучу полупудовую гранату. Ранила она кого, мы не замѣтили, но Шамиль поспѣшно скрылся за гору.

Часовъ въ десять, непріятель, прикрываясь террасами и садами по рѣчкѣ Ахты-Чай, двинулся къ укрѣпленію, и завладѣлъ форштадтомъ, который, по внезапности нападенія, не былъ заблаговременно уничтоженъ (*).

(*) Шамиль пришелъ въ аулъ Ахты съ скопищемъ около 9,000; въ аулъ Ахты было до 3.000, если не болѣе, и большая

Самоотверженіе и хладнокровная распорядительность полковника Рота возвышали нравственные силы гарнизона. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ была пробита у него фуражка, и вскорѣ, въ то время, когда онъ наводилъ кѣгорнову мортиру, пуля ударила ему близъ дыхательнаго горла и остановилась подъ лопаткой. Пуля была вырѣзана, но горячка отняла у коменданта всякую надежду оставить постель ранѣ нѣсколькихъ дней.

Единодушный выборъ гг. офицеровъ, не смотря на старшинство чиновъ, ввѣрилъ мнѣ начальство надъ крѣпостью. Удостоившись столь лестнаго для меня выбора, я потребовалъ отъ гг. офицеровъ безпрекословнаго повиновенія, хотя бы оно относилось и къ старшему меня въ чинѣ.

Полковникъ Ротъ, узнавъ о моемъ избраніи, позвалъ къ себѣ меня и капитана Тизенгаузена. Въ углу сакли, на походной кровати, лежалъ тяжело раненый комендантъ; на колѣняхъ передъ нимъ стояла дочь его, а въ нѣсколькихъ шагахъ женихъ ея, прапорщикъ Бенетъ. Полковникъ Ротъ, утвердивъ меня своимъ преемникомъ, потребовалъ отъ меня клятвы, что въ случаѣ невозможности защищать крѣпость, мы взорвемъ ее. Мы поклялись...

Почти три года прошло со времени этого событія,

часть Самурскаго округа была тоже противъ насъ. Все было подъ начальствомъ самаго Шамиля, Хаджи-Мюрата и Давіель-Бека.

но при воспоминаніи о немъ сердце мое трепещетъ восторгомъ....

Время было дорого. Усилившаяся пальба съ высотъ и изъ форштадта обязывала меня принять скорыя и рѣшительныя мѣры къ защитѣ гарнизона отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и къ усиленію средствъ обороны. Кули съ провіантомъ были тотчасъ разставлены по стѣнамъ крѣпости; въ слабѣйшихъ, 1-ой, 4-ой и 5-ой батареяхъ изъ кулей же устроены ретраншаменты. Затѣмъ, такъ какъ по обложеніи крѣпости непріателемъ сообщеніе съ люнетомъ, отстоявшимъ на ружейный выстрѣлъ, должно было прекратиться, и часть гарнизона, тамъ находившаяся, могла остаться въ совершенной крайности, безъ воды, хлѣба и патроновъ, я немедленно отозвалъ изъ люнета подпоручика Ищенко съ командой, приказавъ ему заклепать чугунную шести-фунтовую пушку.

Хотя пространство между люнетомъ и крѣпостью было обстрѣливаемо непріателемъ, но, благодаря отличной распорядительности подпоручика Ищенко, онъ прибылъ въ укрѣпленіе безъ всякой потери.

Для прикрытія амбразуръ, также и на орудія сдѣланы были щиты, обитые листовымъ желѣзомъ; колодезь очищенъ, и по недостатку въ немъ воды, приказано отпускать ее порціями. Находящихся въ крѣпости мирныхъ Ахтинцевъ я приказалъ помѣстить въ особенной казармѣ, на томъ бастіонѣ, куда непріатель не могъ вести траншейныхъ работъ и,

безъ крайней надобности, не позволяя имъ выходить. Я охотно бы обезоружилъ ихъ; но зная, какъ трудно во время осады отобрать оружіе у дикихъ горцевъ безъ всякаго насилія, я удовольствовался тѣмъ, что принялъ за нихъ поручительство помощника начальника Самурскаго округа, штабсъ-капитана Бучкіева, знавшаго ихъ всѣхъ лично.

Непріятель, занявъ форштадтъ, былъ уже близокъ къ намъ; но какъ форштатъ лежитъ въ небольшой лощинѣ, параллельной съ крѣпостью, то ночью, съ 15-го на 16-е, непріятель вырылъ ровъ, въ родѣ первой параллели, и утромъ 16-го сентября очень ловко и просто началъ подвигаться къ крѣпости противъ 1-го и 4-го бастіоновъ (*). Мантелетъ онъ замѣнялъ большою подвижною кучею фашиновъ и кольевъ, равнявшейся высотой кронъ крѣпостнаго бруствера, и въ послѣдствіи служившей ему вмѣсто травшей-каваліера. Ядра и гранаты наши пронизывали эту кучу, но поврежденія быстро исправлялись, при страшныхъ возгласахъ изъ алкорна, и снова начиналось перекидываніе фашиновъ и кольевъ. Шумъ этой работы надоѣдалъ намъ болѣе выстрѣловъ: невыносимо досадно смотрѣть, какъ осадныя работы ратуютъ съ каждымъ часомъ, и не имѣть никакой воз-

(*) Вмѣсто туропъ онъ пабрасывалъ къ сторонѣ крѣпости большія фашины (въ родѣ сапныхъ фашиновъ) и колья, замѣнявшія имъ туры, за концы ровъ оставлялъ фута въ полтора глубины и въ два ширины, а землю изъ него выбрасывалъ къ сторонѣ крѣпости.

возможности ихъ разрушить (вылазки нельзя было сдѣлать по малочисленности гарнизона). Въ двѣнадцать часовъ дня былъ тяжело раненъ завѣдывавшій 1-ю батареею капитанъ Жоржъ, достойный и храбрый офицеръ, одушевлявшій своимъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа вѣранныхъ его командъ людей.

Въ два часа одна изъ первыхъ гранатъ, брошенныхъ непріателемъ съ батареи, расположенной на высокомъ утѣсѣ, за рѣкою Самуромъ, ударила въ нашъ пороховой погребъ. Взрывъ четырехъ сотъ пудовъ пороха былъ ужасенъ; онъ разрушилъ до основанія зданіе порохового погреба, часть крѣпости и 5-й бастионъ съ двумя орудіями. Вмѣстѣ съ 5-ю батареею штабсъ-капитанъ Байдаковъ и сорокъ четыре челоѣка рядовыхъ взлетѣли на воздухъ, Поручикъ Чуприковъ, находившійся во второмъ пороховомъ погребѣ, для дѣланія зарядовъ, былъ засыпанъ обрушившеюся стѣною, и съ трудомъ приведенъ къ жизни. Многіе изъ защитниковъ крѣпости переранены и изувѣчены; я получилъ сильный ушибъ камнемъ въ лѣвое колено. Ранены также жены офицеровъ, г-жи Жоржъ, Байдакова и Богуславская. Остались невредимы дочь полковника Рота и жена горнаго инженеръ-поручика Крешетицкаго.

Г-жа Жоржъ, изувѣченная, безъ чувствъ вытащена была изъ-подъ груды камней и земли. Первые слова ея были: цѣла ли крѣпость? гдѣ мой мужъ?

Г-жа Байдакова осталась вдовою съ двумя малолѣтними дѣтьми. Надобно было видѣть твердость ея

духа и покорность Провидѣнію. Молодая женщина и уже вдова; женщина среди вѣсхъ ужасовъ войны, сама страждущая отъ ранъ, она съ твердою вѣрою въ Бога ожидала конца страшной драмы, и успокоивала своихъ сиротъ, только изрѣдка спрашивая меня: капитанъ, что съ нами будетъ?

Г-жа Богуславская, забывая свои страданія, подавала помощь другимъ, лишала себя всякаго спокойствія, отдавала свои подушки, свою постель!

Солдаты подавали помощь раненымъ, отыскивали живыхъ подъ горами камней, земли, лошадей и труповъ, которыми завалена была крѣпость. Погребѣ 2-й и 3-й были отчасти разрушены, но порохъ въ нихъ уцѣлѣлъ. Первою мыслию моею было перенести порохъ въ другое мѣсто; но меня удержало опасеніе движеніемъ обратить на этотъ пунктъ вниманіе непріятеля.

Въ проломъ крѣпости была вдвинута часть резерва, состоявшая изъ сорока осьми человекъ солдатъ Мингрельскаго егерскаго полка; подъ градомъ пуль сооружена была новая батарея изъ кулей съ провiantомъ, и завалена брешь кулями и мѣшками изъ шинелей, набитыхъ землею. Горцы съ оглушительнымъ воплемъ «алла» бросились на штурмъ такъ неистово, что неопытные защитники стѣны между 5-ю и 4-ю батареями дрогнули и бросились внутрь крѣпости; но примѣръ офицеровъ и личное мое приутствіе мгновенно ихъ ободрили.

Съ справедливою гордостью могу сказать, что съ

этой минуты я приобрѣлъ особенную довѣренность солдатъ, такъ, что куда бы я ни приходилъ, вездѣ солдаты просили меня остаться съ ними, выражая этимъ свою полную преданность. Старые солдаты говорили мнѣ: «ваше благородіе, берегите себя, намъ бояться нечего, а вы молоды, вамъ умирать не приходится!»

Дѣйствія всѣхъ офицеровъ, даже раненыхъ, во все время были выше всѣхъ похвалъ. Солдаты дрались съ величайшимъ хладнокровіемъ.

Едва разсѣялся дымъ отъ взрыва, какъ пѣсенники 5-й гренадерской роты князя Варшавскаго полка гремѣли уже: «За Царя, за Русь святую!»

Рядоваго Щелкачева взрывомъ отбросило сажень на шесть въ сторону. Вскочивъ на ноги, онъ воскликнулъ: «экъ, проклятые, толкаютъ»!

Горнистъ Барзовъ, у котораго взрывомъ сломало рожокъ, схватилъ ружье, и во все время осады доказывалъ, что онъ владѣетъ имъ исправно. Товарищи часто совѣтовали ему сыграть *отступление* оборванцамъ.

Барабанщикъ Костычевъ, заряжая орудіе, вмѣсто убитаго бомбардира, обыкновенно обѣщалъ пребить горцамъ похоронный маршъ. Солдаты смѣялись, что горцы не въ тактъ пляшутъ подъ его музыку. Особеннымъ мужествомъ отличались въ этомъ случаѣ фельдфебель Мингрельскаго егерскаго полка Михальченко и князя Варшавскаго полка унтеръ-офицеръ Руденко. Ихъ неутомимость, веселость и всегдашняя

готовность на все, радовали сердце. Молодые солдаты спрашивали ихъ, какъ владѣть штыкомъ: «Коли крѣпче, да скорѣй выдерживай, а схватятъ за штыкъ, береги голову. Вотъ и все!»

Не прошло двухъ часовъ, какъ другая непріятельская граната лопнула въ нашемъ зарядномъ ящикѣ, и произвела новый взрывъ.

Эти два происшествія, одно вслѣдъ за другимъ, оставили по себѣ ужасное опустошеніе и значительную потерю въ людяхъ; но не ослабили духа гарнизона, поклявшагося умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

При второмъ взрывѣ были ранены маіоръ Старосило и прапорщикъ Семеновъ. Сильно ранены также и изувѣченъ храбрый почталіонъ, случайно находившійся въ крѣпости (имени его я, къ сожалѣнію, не припомню), и крѣпостной человекъ капитана Тизенгаузена, Борисъ, который заряжалъ орудіе послѣ убитаго бомбардира на 3-й батарее. Оба они были молодцы на славу. Почталіонъ, едва отдохнувшій отъ ранъ, явился снова къ дѣлу, и 20-го числа погибъ честною смертію. Борисъ, изувѣченный и сильно обожженный разрывомъ ящика, лежа въ казармѣ не переставалъ до конца жизни ободрять молодыхъ солдатъ, и внушать имъ презрѣніе къ опасностямъ.

Послѣ взрыва сдѣлано мною слѣдующее распределение: на первый фасъ назначенъ капитанъ Тизенгаузенъ, на 1-ую батарею подпоручикъ Щекинъ, на 2-ую — прапорщикъ Бенетъ и прапорщикъ Товбичъ, на 3-ую — подпоручикъ Архангельскій, на 4-ую — под-

поручикъ Ищенко, на 5-ую — штабсъ-капитанъ Бучкѣвъ и подпоручикъ Каржовъ. Письмоводитель почтоваго отдѣленія Головачевскій, по собственному желанію, состоялъ на 4-ой батарее во все время осады. Артиллеріею завѣдывалъ прапорщикъ Шлиттеръ.

Въ тотъ же день былъ раненъ подпоручикъ Каржовъ. Непріятель до поздняго вечера велъ непрерывную канонаду.

При вечернемъ рапортѣ оказалось на лицо въ гарнизонѣ: въ 5-ой гренадерской ротѣ князя Варшавскаго полка 194, въ линейной 85, въ другой линейной 76; въ Мингрельской 46; артиллеристовъ 18 и нефронтовыхъ 21; всего 440 человекъ.

Крѣпость наша представляла страшное зрѣлище: трупы людей и лошадей валялись повсюду, угрожая произвести заразу, а убрать ихъ было некому и некогда. Стоны раненыхъ и умирающихъ сжимали сердце.....

Прекращеніе внѣшняго сообщенія, затрудняя съ каждымъ часомъ наше положеніе въ крѣпости, внушило штабсъ-капитану Бучкѣву мысль извѣстить о происходящемъ командующаго войсками, генералъ-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго.

Въ ночи, съ 16 на 17-е, штабсъ-капитанъ Бучкѣвъ, подпоручикъ Али-Султанъ-Бекъ и прапорщикъ Ага-Мулла-Шефиръ-Оглы, въ сопровожденіи троихъ нукеровъ и казака Ивана Солонина, переодѣтые полезгински, пользуясь темнотою, вышли изъ крѣпо-

сти. Въмѣсто штабсъ-капитана Бучкіева назначень былъ прапорщикъ Бенетъ, а вмѣсто прапорщика Бенета прапорщикъ Богуславскій.

17-го Сентября, на третій день осады, непріятель подвигалъ уже свои работы на гребень гласиса 1-го и 4-го бастіоновъ, не смотря на сильный, убійственный огонь изъ крѣпости. Горцы понять не могли, откуда у насъ берется порохъ, и поминутно кричали: «сдавайтесь, пороху нѣтъ!» Солдаты отвѣчали: «будетъ чѣмъ васъ, нехристей, перебить!» Прапорщикъ Шлитеръ мѣткими выстрѣлами подбилъ у нихъ два орудія (*).

По неимѣнію въ крѣпости зажигательныхъ снарядовъ, мы бросали ручныя гранаты, обернутыя въ смоляную паклю, и куски смоляной пакли. Но какъ фашинникъ ихъ былъ сырой, то хотя противу 1-ой и 4-ой батареи и загорѣлись траншейныя работы, но онѣ скоро были потушены непріателемъ; притомъ же, по причинѣ вѣтра отъ рѣки Самура, искры падали внутрь крѣпости, и за дымомъ можно было опасаться внезапнаго нападенія.

Восемьдесятъ боченковъ пороху было пригото-

(*) Въ этотъ день позабавилъ насъ маркизантъ нашъ, Армянинъ Ивашъ. Онъ хотѣлъ прыгнуть въ ровъ, но былъ схваченъ солдатами и приведенъ ко мѣ. На вопросъ: «что ты сдѣлалъ?» онъ съ испуга плаксиво отвѣчалъ: «Пощадите, ваше благородію, выпустите меня изъ крѣпости; здѣсь меня убьетъ непріятель, а тамъ не тронетъ, потому что я самъ къ нему прійду!» Онъ былъ подъ арестомъ до конца осады.

лено на случай желанной смерти. Обходя батареи, я спрашивалъ солдатъ: «сумѣемъ ли мы, ребята, умереть, какъ умерли наши товарищи въ Михайловскомъ укрѣпленіи?» Они отвѣчали: «ваше благородіе! отъ насъ поживы нехристямъ не будетъ!» — «Да я первый взорву укрѣпленіе», говорилъ унтеръ-офицеръ князя Варшавскаго полка, Дмитрій Ивановъ (*).

Многихъ храбрыхъ схоронилъ я въ памяти своей; но кажется, не видалъ такихъ, какъ ты, Дмитрій Ивановъ! Отъ веселыхъ розсказней твоихъ заливались твои товарищи неудержимымъ смѣхомъ, и отъ молодецкаго штыка блѣднѣли басурманскія рожи! Улыбка не сбѣжала съ твоего лица, когда ты палъ съ оружіемъ въ рукахъ!

Полутру, 18-го сентября, подземный стукъ обнаружилъ намъ, что непріятель ведетъ минную галерею подъ первый бастионъ (**).

(*) Дмитрій Ивановъ былъ, въ 1843 году, при защитѣ Петровскаго укрѣпленія, подъ начальствомъ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ, штабсъ-капитана (въ послѣдствіи подполковника) Бибанова, который былъ убитъ подъ ауломъ Салты, въ 1847 году. Чудо-богатыри была четвертая гренадерская рота Бибанова. Съ такими-то людьми «и смерть красна.»

(**) Въ послѣдствіи, по освобожденіи отъ осады, мы осматривали ихъ работы. Галерею они вели безъ всякихъ рамъ, прямо подъ ровъ, на самый уголъ батареи; вмѣсто пороховаго ящика заложенъ былъ мѣдный котелъ съ небольшимъ отверстіемъ въ стѣнкѣ, куда вставлены были, одинъ въ другой, три ружейные ствола, съ отверстиями въ казенной части. Въ нихъ на-

Контръ-мину вести намъ не было ни какой возможности, по недостатку рукъ и инструментовъ. Расчитывая, что у непріятеля не можетъ быть большаго количества пороху, я приказалъ людямъ быть въ ретраншаментъ, а на бастіонъ оставилъ только самое необходимое число людей, которые, при движении непріятеля, должны были также отступать въ ретраншаментъ.

Около полудня мы съ восхищеніемъ увидѣли на высотахъ, по ту сторону рѣки Самура, отрядъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго, шедшій къ намъ на выручку.

Прапорщикъ Товбичъ, на вопросъ мой: много ли ихъ? въ шутливой радости закричалъ : «милліоны!»

По мѣрѣ приближенія отряда, толпы непріятелей на форштадтѣ и въ траншеяхъ начали волноваться, и когда передовыя части войскъ спустились на половину горы, мюриды, работавшіе противу 1-ой, 4-ой и 5-ой батарей и изъ форштадта, двинулись отъ крѣпости; мы провожали ихъ картечью...

Пользуясь отступленіемъ непріятеля, я приказалъ капитану Тизенгаузену сдѣлать вылазку, и разрушить веденныя противу насъ работы.

Радость наша была непродолжительна... Отрядъ, будучи уже въ виду крѣпости, не могъ, по неимѣ-

ходился порохъ, посредствомъ котораго огонь былъ сообщенъ заряду. Въ разстояніи сажени отътуда лежалъ мертвый мюрида, вѣроятно зажигавшій мину.

нію моста, перейти чрезъ рѣку Самуръ. Поэтому, обнадеживъ насъ скорымъ возвращеніемъ, онъ поднялся обратно на гору, и пошелъ въ обходъ. Мы снова остались въ жертву всѣмъ случайностямъ осады....

Съ удаленіемъ отряда, горцы, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми, снова принялись за работы, которыхъ капитанъ Тизенгаузенъ, по краткости времени, не успѣлъ разрушить.

Въ ночи съ 19-го на 20-е, мы слышали стрѣльбу въ аулѣ. Еще разъ надежда мелькнула въ сердцахъ: мы подумали, нейдутъ ли къ намъ на выручку храбрые Мингрельцы и Тифлисцы, стоявшіе въ то время на Военно-Ахтынской дорогѣ; въ послѣдствии мы узнали, что это были привѣты Шамяля тому изъ храбрыхъ, кто возьметъ крѣпость и въ награду получить дочь нашего коменданта! 20-го сентября непріятель продолжалъ свои работы, и на форштадтѣ замѣчена была необыкновенная дѣятельность. Мы готовились къ отчаянной защитѣ.... Сестра прапорщика Тимоѣева, незадолго предъ тѣмъ прибывшая въ крѣпость съ братомъ, произведеннымъ изъ фельдфебелей, собирая по крѣпости неразорванныя гранаты, относила ихъ брату, занимавшемуся приготовленіемъ зарядовъ, приговаривая: «На, пусть имъ обратно; пусть нехристи знаютъ, что насъ Богъ бережетъ!»

Въ два часа пополудни раздался страшный взрывъ. Часть 1-ой батареи взлетѣла на воздухъ отъ залю-

женной непріятелемъ мины. Вслѣдъ за взрывомъ горцы бросились на штурмъ. Храбрый поручикъ Щекинъ встрѣтилъ ихъ картечью, а потомъ штыками въ рукопашной схваткѣ, гдѣ и погибъ славною смертію, вмѣстѣ съ двѣнадцатью солдатами, которые выскочили къ нему изъ ретраншаента. Новая толпа горцевъ встрѣчена была залпомъ картечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, ручными гранатами и камнями. Въ то же время, на 5-ую и 6-ую батарею бросились мюриды съ лѣстницами, но были сбиты и опрокинуты. Послѣ самаго отчаяннаго кровопролитія штыками и кинжалами, брешь была завалена трупами убитыхъ съ обѣихъ сторонъ, и натискъ непріятеля остановленъ. Я раненъ пулею въ лѣвую сторону живота и контуженъ камнемъ въ голову. Близъ 4-ой батареи, во время штурма, неизвестно отъ чего, взорвало зарядный ящикъ; имъ былъ раненъ и обожженъ капитанъ Тизенгаузенъ, а рядового Чмырева, стоявшаго у ящика, перебрало убитого чрезъ бастіонъ. Наканунъ капитанъ Тизенгаузенъ проходилъ по крѣпости съ лекаремъ нашимъ Гринквистомъ. Пуля пробила Гринквисту полу сюртука; онъ обернулся къ капитану Тизенгаузену и флегматически сказалъ ему: «Сегодня моя очередь, завтра ваша!» Сказанное въ шутку, къ сожалѣнію, сбылось ужаснымъ образомъ.

Между тѣмъ солдаты, подъ градомъ пуль и камней, устроили новую батарею изъ кулей, на мѣсто разрушенной № 1-го батареи.

Рядовой Свидерскій, взрывомъ сброшенный въ ровъ, вѣшался тамъ въ толпу Лезгинъ, и вмѣстѣ съ ними влѣзъ на стѣну. Солдаты, видя его въ Лезгинской шапкѣ, съ кинжаломъ въ рукахъ, бросились на него со штыками. «Стой, ребята, закричалъ Свидерскій: своего не узнали!» Въ этотъ же день убитъ незабвенный унтеръ-офицеръ Дмитрій Ивановъ. Миръ праху твоему, честный, благородный воинъ!

На рядоваго Горбаченка, на 1-ой батарее, напали двое Лезгинъ. Одною онъ опрокинулъ штыкомъ, но другой схватился за штыкъ. «Братцы, помогите!» взмолился Горбаченко. Унтеръ-офицеръ Виниченко, извѣстный своимъ мужествомъ, подскочилъ къ нему на помощь, съ словами: «ахъ ты, безсильный, съ двумя не справился; вотъ какъ бей!» и Лезгинъ не существовалъ.

На 5-ой батарее Лезгинъ схватилъ за штыкъ рядоваго Новичкова, и шашкою разрубилъ ему ногу. Рядовой Ямбуровъ ударилъ Лезгина штыкомъ въ грудь, съ восклицаніемъ: «ахъ, ты, донгусъ, за Русское ружье хвататься!»

Тщетное покушеніе заставило непріятеля прекратить на этотъ день атаку.

Отступающіе отъ крѣпости горцы встрѣчаемы были нагайками и шашками поставленныхъ отъ Даниель-Бека мюридовъ. Я обошелъ кругомъ крѣпости, и благодарилъ солдатъ за ихъ отчаянную храбрость. Молодые солдаты говорили: «Ваше благородіе! по-

смотрите, сколько ихъ навалено во рву.» Другіе говорили: «они дурной день выбрали, сегодня въдь Понедѣльникъ!»

Ночь водворила тишину, прерываемую лишь сто-
нами умирающихъ.

Крѣпость наша была въ страшномъ состояніи. Недостатокъ пищи, смрадъ отъ труповъ, томительная неизвѣстность будущаго, все съ каждымъ часомъ усиливало наше ужасное положеніе. Тщетно, спокойный въ опасностяхъ, лекаръ нашъ Гринк-вистъ заботился о средствахъ облегчить участь страдальцевъ: недоставало ни помѣщенія, ни медицинскихъ пособій. Гарнизонъ уменьшенъ былъ убитыми и ранеными болѣе чѣмъ наполовину. Хотя геройскій духъ солдатъ не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что никто не задумается отдать свою жизнь въ жертву долга и чести; но паденіе крѣпости могло имѣть вліяніе на участь цѣлаго края. Шамиль, конечно, болѣе всего рассчитывалъ на то впечатлѣніе, которое должна была произвести наша гибель на умы горцевъ, готовыхъ воспользоваться каждымъ случаемъ къ возстанію.

Однимъ сомнительнымъ средствомъ для спасенія крѣпости оставалось послать новое извѣщеніе о нашемъ положеніи главному начальнику края, князю Аргутинскому-Долгорукову.

При первомъ вызовѣ явились ко мнѣ на истинно отчаянный подвигъ (*) князя Варшавскаго полка

(*) Крѣпость была уже окружена со всѣхъ сторонъ.

унтеръ-офицеръ Иванъ Меркуловъ и рядовой Андрей Тихановъ (переведенные Лейбъ-Гвардіи въ Литовскій полкъ). Оба, извѣстные по своему мужеству, они во время вылазки щеголяли своимъ удалствомъ.

Обривъ голову и одѣвшись въ Лезгинскія лохмотья, они, въ сопровожденіи пяти мирныхъ Ахтынцева, отправились ночью на 21-е въ путь, сопровождаемые нашими благословеніями.

Вечеръ и вся эта ночь прошли въ различныхъ распоряженіяхъ къ приведенію крѣпости въ возможность хотя нѣкоторое время противостоять непріятелю.

Рядовой Печенкинъ снялъ лѣстницы, по которымъ взбирались осаждающіе; цирюльникъ Орефьевъ и рядовой Гродько вытащили изъ рва кѣгорнову мортирку.

Но надѣяться на сильный отпоръ было уже невозможно: всѣ средства къ защитѣ были истощены. Осьмая сутки никто не смыкалъ глазъ; ушибы и рана, въ которой открылось сильное воспаленіе, мучили меня до такой степени, что я каждую минуту боялся впасть въ безпамятство. Всѣ были въ какой-то неестественной апатіи. Оставалось умирать...

Утромъ 21-го сентября пошелъ сильный дождь. Для насъ онъ былъ гостемъ благодатнымъ. Вебра, ушаты, котлы поставлены были подъ желобами крышъ. Запекшіяся уста съ жадностью глотали холодную влагу. Въ первый разъ, послѣ восьмисуточ-

наго недостатка въ пищу, гарнизонъ сварилъ себѣ кашу.

Непріятель съ усиленною дѣятельностью повелъ свои траншейныя работы противъ 5-го бастіона, гдѣ зарытъ былъ тотъ порохъ, который, въ случаѣ крайности, долженъ былъ спасти честь нашу. Я пораженъ былъ мыслию, что можетъ быть, наши лазутчики пойманы, и въ мукахъ признались гдѣ лежитъ порохъ. Немедленно я велѣлъ перенести его въ другое мѣсто. Ожидая съ каждой минуты штурма, я началъ страшиться измѣны находящихся въ крѣпости горцевъ. Какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что на нихъ положиться нельзя; притомъ же у меня не выходило изъ головы, что, когда я вызывалъ охотниковъ въ лазутчики, всѣ они наперерывъ изъясляли желаніе выйти изъ крѣпости, и только Рутульскій старшина сдержалъ ихъ пылкую готовность. Въ минуту отчаянной борьбы они могли ударить намъ въ тылъ, и злодѣйскимъ поступкомъ погубить славное дѣло. Колебаться я не могъ: пришелъ въ казарму и объявилъ имъ, что мы ожидаемъ штурма, что ни одинъ изъ насъ не достанется въ руки непріятелю живой, и что, въ случаѣ неудачи, мы всѣ взлетимъ на воздухъ, и спросилъ, хотятъ ли они съ нами умереть. Отвѣта не было.

..... Наконецъ они стали совѣтоваться между собою, и рѣшили, что лучше имъ выйти изъ крѣпости. Я немедленно велѣлъ ихъ выпустить....

Избавившись, съ одной стороны, отъ опасенія

измѣны, мы выигрывали съ другой тѣмъ, что если Ахтынцы попадутся къ непріятелю или передадутся ему, и расскажутъ мюридамъ о нашихъ приготовленияхъ къ смерти, то не всякій изъ нихъ пойдетъ на вѣрную гибель.

Еще ночь, по часамъ, по минутамъ, тяжело сошла въ вѣчность. Что готовилъ намъ слѣдующій день?...

Утромъ, 22-го сентября, непріятель занятъ былъ работами въ аулѣ. Вскорѣ множество горцевъ, конныхъ и пѣшихъ, начали двигаться въ разбродъ, на пути, обратномъ отъ крѣпости, и вдругъ большими массами стали переправляться изъ аула на лѣвый берегъ рѣки Самура. Мы недоумѣвали.... Вслѣдъ затѣмъ грянула пушка, и вскорѣ блескъ штыковъ возвѣстилъ намъ о прибытіи отряда князя Аргутинскаго-Долгорукова, который, послѣ короткаго, но блистательнаго дѣла, окончившагося совершеннымъ пораженіемъ непріятеля, съ торжествомъ вошелъ въ крѣпость.

Говорить ли о нашихъ чувствахъ въ эту минуту? Кто не испыталъ ихъ, тотъ не пойметъ. Моля Бога, слава Государя, мы крестились и цѣловались съ усатыми земляками, какъ въ Свѣтлый Праздникъ. *Ура* матушкѣ-Россіи, что изъ вѣка въ вѣкъ не переводятся въ ней хваты-богатыри, молодцы-солдаты; «не диво съ молодцами весь свѣтъ изойти!»

Всѣ защитники крѣпости были взысканы милостями Царскими; я осыпанъ благодѣяніями Августѣйшей Фамиліи. Чинъ маіора и подполковника вѣѣтъ, Георгіевскій крестъ и денежное пособіе, были наградами, конечно, превышающими мои заслуги. Въ Божѣ почивающій Великій Князь Михаилъ Павловичъ, память о которомъ навсегда свята пребудетъ въ сердцѣ моемъ, поручилъ меня вниманію Заслуженнаго профессора Буяльскаго. Знаменитый хирургъ сдѣлалъ мнѣ съ обычнымъ искусствомъ операцію. Избавленный отъ пули, которая, въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ, причиняла мнѣ страданія и, получивъ облегченіе отъ трехъ ранъ пулею и трехъ контузій, я теперь получилъ силу, чтобъ умереть по первому Царскому слову.

СЕМЕНЪ НОВОСЕЛОВЪ.